

К 90-летию Магнитогорска

Магнитогорская сталь Кристапа Нейланда

Как латышский паренёк из простой рабочей семьи оказался на Урале, на самом переднем крае строительства социалистической индустрии? Чёткий ответ на этот вопрос даёт двуязычная газета «Молодой инженер» Рижского политехнического института. В статье «Он был первым» излагается краткая биография первого ректора этого вуза.

Кристап Нейланд

Его имя навсегда вошло в историю сталеплавильного производства ММК и в историю создания танковой брони в годы Великой Отечественной войны

Выделялся особым талантом

В городском архиве хранится целая папка документов о жизни К. К. Нейланда. Его родственники позаботились о том, чтобы в городе металлургов сохранилась добрая память о человеке, так много сделавшем для умножения трудовой славы Магнитки. Если дополнить материалы из личного архива Нейланда другими важными документами и подробностями, получится достаточно полный портрет этого яркого, неординарного человека.

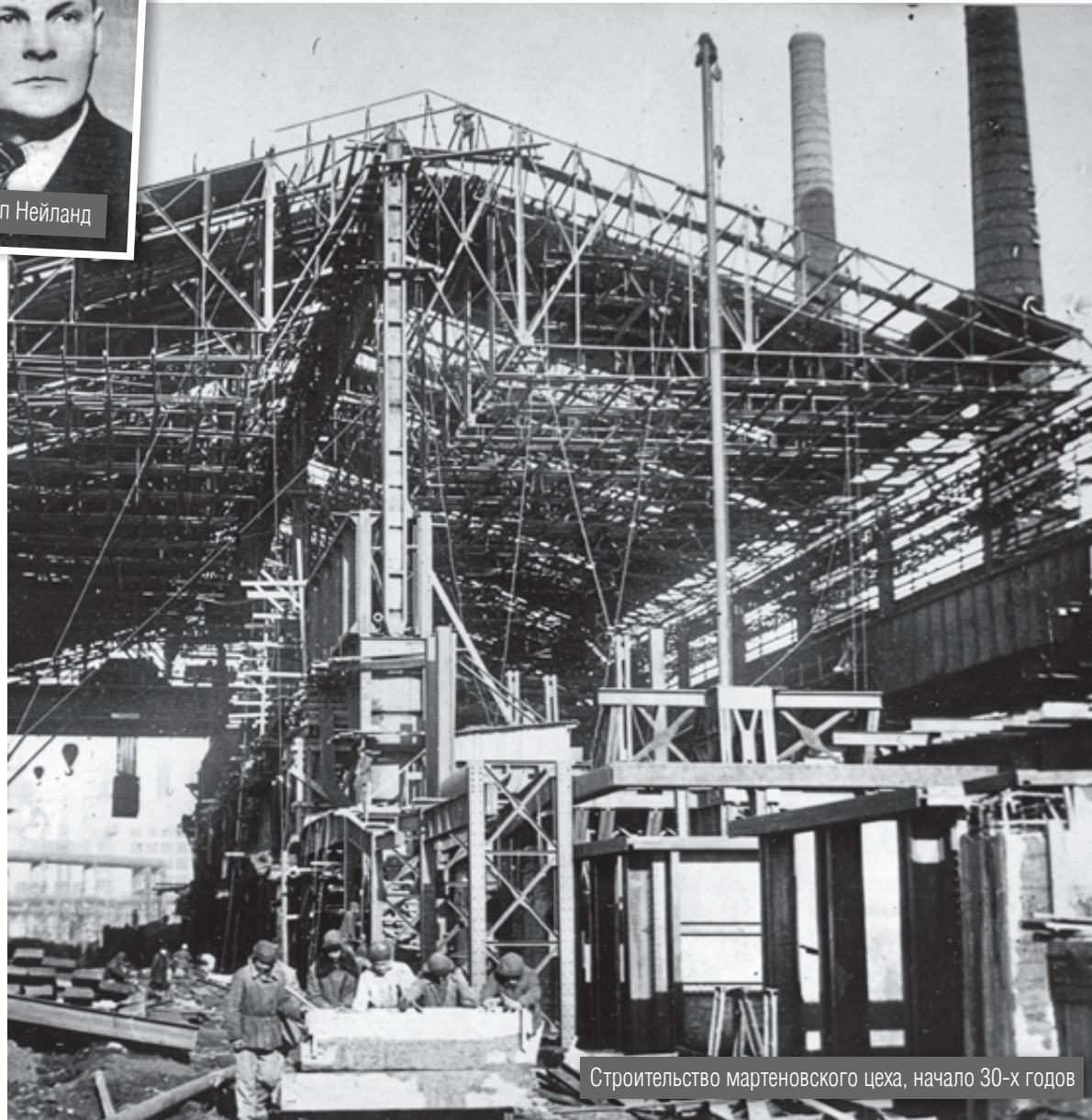
«Кристап Нейланд, – сообщает газета «Молодой инженер», – родился в Елгаве в семье рабочего-грузчика. С 14 лет, сразу после окончания городского училища, начал работать учеником столяра. В 1915 году эвакуировался вместе с родителями в Псков. В Европе в это время полыхала Первая мировая война. В 1918 году К. Нейланд добровольно вступил в ряды Красной Армии. Вечерами учился на политехническом отделении Вятского народного университета. Поэтому после демобилизации был направлен Губвоенкоматом на учёбу в Уральский политехнический институт, на металлургический факультет. В 1929 году по окончании института Нейланда направили в Магнитку инженером-конструктором сталеплавильной группы».

Здесь следует привести некоторые документальные подробности.

Приказом № 38 по управлению только что созданного Магнитостроя на хозяйственную стипендию зачислен с 1 марта по 31 декабря 1929 года студент металлургического факультета Уральского политехнического института К. К. Нейланд. Размер этой ежемесячной стипендии определён в 125 рублей. В тот же день был подписан ещё один приказ о зачислении на хозяйственную стипендию двух студентов четвёртого курса УПИ – Александра Сысоева и Бориса Бахтинова.

Возникает вопрос, почему нельзя было зачислить на стипендию сразу всех троих студентов одного и того же вуза? К тому же Нейланд с Бахтиновым учились вместе на одном курсе одного факультета. Секрет же заключался в разнице суммы стипендии. Сысоеву с Бахтиновым было назначено по 110 рублей. Разница в 15 рублей была значительной по тем временам: это четверть месячной зарплаты машинистки.

Почему же так выделили Нейланда? Для Магнитостроя он ничего не успел сделать, и руководству новой строительной организации ничего не было известно о студентах, зачисляемых на хозяйственную стипендию. Для того чтобы закрепить молодых специалистов на Магнитке, немало лучших старшекурсников специализированных институтов и техникумов страны были зачислены на хозяйственную стипендию Магнитостроя. Брали только по рекомендациям руководства учебных

Строительство мартеновского цеха, начало 30-х годов

заведений. Кристап Нейланд был особо выделен преподавателями из УПИ за особый талант в постижении металлургической науки, за умение системно выстраивать все получаемые знания и применять их в практической работе.

Проектирование мартеновского производства ММК было поручено организации «Стальпроект». Но на Магнитке была создана своя проектно-конструкторская группа из таких молодых, одухотворённых специалистов, как Борис Бахтинов, Кристап Нейланд и Алексей Трифонов. Они не только готовились осваивать строящиеся сталеплавильные агрегаты, но и смело вносили поправки в разработки столичных проектировщиков, совершенствуя конструкции мартеновских печей.

Горят мартеновские печи – и день, и ночь

В номере за 9 сентября 1932 года «Магнитогорский рабочий» посвятил ходу строительства первых мартенов крупную публикацию под заголовком «Боевой участок»:

«Результаты августа таковы, – папка, которую Нейланд держал под мышкой, переходит на стол, и содержимое предстаёт перед взором собравшихся. – Нужно сказать, что план, который дан плановым отделом, сразу нами забракован. Уж слишком мизерный был он. План мы изменили в сторону увеличения – до 100 тонн. Вот, смотрите, окончательный календарный график. Зелёный карандаш – это наметка, красный – фактическое выполнение. Видите, плиты под продольные балки поставлены не в три дня, как я рассчитывал, а в два. Сами продольные балки поставлены в 12 дней вместо 18».

Из этой публикации видно, что

Нейланд руководил монтажными работами на строительстве третьей мартеновской печи. И на самом деле в 1932–1933 годах он уже был заведующим механомонтажными работами Магнитостроя на строительстве мартеновских печей. Бригады, работающие под его руководством, неизменно перекрывали плановые задания. В частности, бригада клепальщиков Северина на клёпке подины печи выполнила сменное задание на 300 процентов. Кристап Нейланд не только грамотно расставляет монтажников, чтобы на ограниченном пространстве строящейся мартеновской печи каждая бригада могла добиваться наибольшего эффекта, но и с хронометрической точностью фиксирует каждую выполняемую работу, чтобы грамотно планировать последующие дела, выявить недочёты уже пройденных этапов. Устранение монтажниками заводских браков руководителем участка фиксирует столь же скрупулёзно.

«Мы, – говорит Нейланд, – осуществляем жёсткий контроль рублём качество продукции. Каждую переделку изготовленных на каком-либо заводе конструкций учитываем при помощи всё тех же нарядов и, конечно, предъявляем соответствующий счёт: плохо следите за качеством – раскрывайте карман шире, гоните монету».

Дальновидная, во всех смыслах, политика. Бракоделы должны не только возмещать ущерб, но и устранить недостатки в работе при выполнении последующих заказов: ведь возведение мартенов по стране в тридцать втором году только начиналось.

Похуже, молодой инженер сумел проявить себя с первых дней работы на Магнитострое. Иначе его не избрали бы в 1931 году депутатом первого состава Магнитогорского Совета рабочих, красноармейских

и крестьянских депутатов, где он до 1938 года был секретарём металлургической секции.

Корни диспропорции

В жаркие летние дни тридцать третьего года в Магнитке готовились к торжественному пуску первой мартеновской печи. При этом ещё не был завершён монтаж самого корпуса мартеновского цеха. С 1 февраля 1932 года исправно выдавала чугун первая доменная печь.

7 июня того же года вошла в строй вторая домна. 27 июня тридцать третьего года начала выдавать чугун уже и третья домна, а жидкий чугун продолжал разливаться по разливочным машинам в увесистые чушки, которые с грохотом сыпались на железнодорожные платформы для доставки на десятки других металлургических и машиностроительных заводов страны.

Дело в том, что после провального 1929 года, когда в партийно-правительственных органах страны шли долгие дебаты по перспективам развития Магнитогорского комбината, в 1930 году следовало ликвидировать допущенное отставание в строительстве. И даже была определена точная дата пуска сразу двух первых доменных печей – 1 октября 1931 года.

Для практической реализации этих планов на Магнитострой было направлено новое руководство во главе с Я. П. Шмидтом, который руководил специальной комиссией, проверившей состояние дел на стройке. В Политбюро ЦК ВКП (б), видимо, решили, что тем, кто выявил вопиющие недостатки, проще будет их устранить. Однако ни сам тридцатитрёхлетний Яков Шмидт, ни члены его команды не располагали достаточным опытом эффектив-

ной организации дел на больших стройках. Главным ориентиром для Шмидта стало совместное решение Совнаркома СССР и Совета Труда и Оборона о пуске двух первых доменных печей 1 октября 1931 года. А как выполнить такое указание? Наверно, необходимо сконцентрировать как можно больше рабочей силы на этих главных объектах.

Так Шмидт и поступил. Все силы и средства направил на досрочный пуск доменных печей. На других участках дела, естественно, затормозились. Особенный ущерб был нанесён ходу строительства посёлка при заводе – ни детских садов, ни школ, ни пунктов бытового обслуживания не было построено за весь тридцатый год. Даже барак для размещения прибывающей рабочей силы катастрофически не хватало.

Резкого улучшения дел и на возведении доменных печей тоже не было достигнуто, потому что увеличение числа рабочих рук на одном объекте вовсе не означает на деле, что эти руки будут использованы с пользой для дела.

На строительстве Кузнецкого металлургического комбината всё обстояло несколько иначе. Главный инженер Кузнецкстроя знаменитый и авторитетный металлург Иван Павлович Бардин уверенно и настойчиво вёл дела к практически синхронному пуску своего комбината по всему металлургическому циклу. Первые доменные печи – они, правда, были меньше магнитогорских, надёжно обеспеченные коксом, вошли в строй на два месяца позже первой магнитогорской домны, но на несколько дней раньше мартенов, а следом за ними начинали работать и прокатные цехи. Вот и вышло, что первый мартен на ММК начал работать на 10 месяцев раньше, чем на ММК, первый блюминг вошёл в строй на 9 месяцев раньше, а первый прокатный стан начал выдавать готовую продукцию на 11 месяцев раньше, чем на Магнитке.

Возможно, кто-то упрекнёт меня за похвалы в адрес Кузнецкстроя. Но я лишь выражаю сожаление, как несладко начиналась история нашей дорогой Магнитки. Тысячам людей пришлось пройти через трудности и тяжелейшие испытания, большинства из которых могло и не быть. Но в истории, к сожалению, не бывает сослагательного наклонения. Главный инженер Кузнецкстроя Иван Бардин добился комплексного пуска металлургического комбината. А главный инженер Магнитостроя Виталий Гассельблат в самом начале строительства был надолго оторван от непосредственного руководства делами на объекте, а затем и вовсе по грязному доносу признан вредителем Магнитки и врагом народа.

Вот и получилось, что между пуском первой домны и выдачей стали на первой мартеновской печи прошло полтора года. А до выдачи комбинатом первой готовой прокатной продукции на сортоном стане «500» прошло ещё более года. Такой тяжёлой оказалась цена планомерной ликвидации инженерного корпуса молодой страны. Безжалостным катком прошли жестокие и неоправданные репрессии не только по судьбам людей, но и по начинающим, по только что рождающимся предприятиям.

Этим отступлением хочу подчеркнуть, в каких непростых драматически напряжённых условиях приходилось создавать тысячным армиям строителей новой жизни и молодым инженерным кадрам, совершенно ещё не закалённым в бескомпромиссной борьбе за простое выживание.

Продолжение следует.

Миндихан Готлухужин